

Региональный социальный капитал и множественная модернизация в России. К постановке проблемы*

**Людмила Александровна
БЕЛЯЕВА**

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения социокультурных изменений РАН, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии РАН (119991, Москва, ул. Волхонка, д. 14, к. 5.)

Аннотация. В статье поставлены проблемы взаимосвязи множественной модернизации и социального капитала в регионах России. Социальный капитал рассматривается как фактор, обуславливающий особенности и темпы модернизации, показаны возможности измерения социального капитала и необходимость разработки адекватных условиям России показателей для составления социокультурных портретов регионов.

Ключевые слова: модернизация, социальный капитал, измерение социального капитала.

Belyaeva L.A.

Regional social capital and multiple modernization in Russia. On defining the problem

Belyaeva Lyudmila Aleksandrovna – Doctor of Sociology, Leading Research Associate at the RAS Centre for the Study of Social and Cultural Change, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (14, Volkhonka Street, Moscow, 119991, Russia).

Abstract. The article raises the issues of relationship between multiple modernization and social capital in Russia's regions. Social capital is considered as a factor that determines the specifics and pace of modernization. The article also shows the ways to measure social capital and the necessity to develop the indicators for making socio-cultural portraits of the regions with regard to Russia's conditions.

Keywords: modernization, social capital, measurement of social capital.

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ №14-03-00338а.

В современном политическом и социологическом дискурсе все более активно развиваются идеи о множественном характере модернизации в мире, в том числе и в России. Применительно к российскому обществу эти идеи особенно актуальны, поскольку они падают на такую почву, которая характеризуется огромным разбросом экономических условий, социокультурного опыта, традиций, обычаев, уровня поликультурности и поликонфессиональности, ценностных систем и политических проектов. В данной статье будет уделено внимание множественности модернизации как производной от состояния социального капитала региона. Теперь становится все более очевидным, что экономический рост обеспечивается не только наличием материальных, финансовых, человеческих, культурных ресурсов, не все современные институты развития приживаются в обществе и тем более во всех регионах страны и оказывают на развитие ожидаемое действие. Существует *нечто*, что препятствует успешной модернизации. Это *нечто* вновь и вновь возрождается, когда ослабевает административное воздействие и контроль. Характерный пример — ситуация в регионах России.

В советский период уровни развития человеческого и культурного капиталов в регионах в значительной мере были выравнены: сходные показатели имели образование населения, квалификация, профессиональная и социальная структура, отсутствовала или была небольшой безработица (по крайней мере, явная), существовала близкая по своим функциям система государственных институтов. Плановая экономическая политика, главенствующая роль государства содействовали постепенному выравниванию уровней развития регионов, осуществлялась плановая модернизация отстающих регионов и территорий, хотя и в советский период существовали более развитые и менее развитые из них.

Кроме того, в прошлом действовал единый идеологический масштаб взаимоотношений в обществе, который связывал субъекты экономических отношений, предписывая им нормы поведения, прививая такую систему ценностей, которая отвечала принципам коллективизма, подавления индивидуальности и личных интересов в пользу интересов общественных. Даже если учитывать формализм и поверхностность влияния идеологической пропаганды и контроля в последние годы, то можно сказать, что в обществе существовал довольно высокий уровень доверия между людьми и доверия институтам общества, что играло свою роль в выполнении экономических планов.

С переходом к рыночной экономике большие надежды возлагались на развязывание творческой инициативы, раскрытие индивидуальности через реализацию частного интереса. Действительно, предпринимательство, индивидуальная трудовая деятельность опираются на эти принципы, но вместе с воплощением индивидуального, частного интереса в нашей стране оказались низведенными до минимального уровня ценности общественного взаимодействия, доверия между людьми, социальными группами и доверия институтам общества. Рыночные или псевдорыночные отношения зачеркнули иные мотивы взаимоотношений в экономике, кроме экономического интереса.

А это то, что составляет важную часть *социального капитала*. Можно априори утверждать, что особенности и темпы модернизации в России и в регионах определяются характером и особенностями социального капитала, созданного в последние два десятилетия. Монодернизация как проект демократического и либерального развития применительно ко всем регионам России не может быть успешной, в том числе и в силу особенностей социального капитала этих регионов.

Почему же именно социальный капитал оказывает такое плюральное воздействие на модернизацию? Разобраться в этом можно, если понять, что же такое социальный капитал. Простейшее определение социального капитала: это система отношений между людьми, группами, организациями, институтами, которая дает выгоды от сотрудничества, увеличивает результативность прилагаемых усилий. Проблемы социального капитала стали активно обсуждаться в последние 15 лет экономистами, социологами и политологами. Это понятие востребовано в междисциплинарных исследованиях. В отечественных публикациях основное внимание уделяется интерпретациям работ зарубежных специалистов и делаются отдельные попытки проследить существование и влияние социального капитала на локальные сферы общества.

Представим основные точки зрения на эту проблему, основываясь на взглядах тех ученых, которые положили начало ее разработке. Это прежде всего работы П. Бурдье, Р. Патнэма, Дж. Коулмена, Ф. Фукуямы и некоторых других ученых. Между их подходами существуют различия, и пока не выработано общей позиции в интерпретации концепта «социальный капитал», методов его измерения и оценок воздействия на развитие общества. В чем сходны позиции исследователей, так это в исключении из социального капитала государственных институтов. Но институты общественные, институты гражданского общества — его неотъемлемая часть, более того, накопление социального капитала создает предпосылки для становления и развития гражданского общества. Всемирный банк, который проводит исследование проблем социального капитала в отдельных странах, определяет социальный капитал как «институты, отношения и нормы, которые формируют качественно и количественно

социальное взаимодействие в обществе». Всемирный банк начал этот проект в 1996 г., и сейчас уже проведено несколько региональных исследований в различных странах мира, а самое главное — осуществляется международный сравнительный проект в большинстве стран мира. В России этот проект не институализирован.

Одним из первых понятие «социальный капитал» сформулировал *Пьер Бурдье*, который отметил, что социальный капитал — это ресурсы, основанные на родственных отношениях и отношениях в группе членства. Социальный капитал дает преимущества, выгоды членам группы, является основой групповых солидарностей [1, с. 21]. Социальный капитал воплощается в социальных сетях, социальных нормах поведения, взаимных поддержках и кооперациях ради получения взаимной выгоды. Бурдье показывает, что социальный капитал может быть использован для производства и воспроизводства неравенства путем доступа к занятию более высокого места в иерархии через использование социальных связей.

Джеймс Коулмен первым концептуально проработал понятие «социальный капитал», отметив, что в отличие от иных форм капитала, социальный капитал свойствен структуре связей между акторами и среди них. Организации, преследующие определенные цели, могут быть акторами (так называемый корпоративный актор), так же как и индивид. Связи внутри корпоративных акторов также могут создавать для них социальный капитал [2, с. 124]. Коулмен определил сущность социального капитала, отличающую его от других форм капитала, как способность создавать общественное благо, поскольку актор или акторы, создающие социальный капитал, обычно получают только малую его часть. Этим объясняется то, с какой неохотой вкладываются инвестиции в социальный капитал.

Коулмен считал, что социальный капитал — это только *потенциал* взаимного доверия и взаимопомощи, целерацио-нально формируемый в межличностных отношениях: *обязательства и ожидания*, которые зависят от надежности социальной среды, *информационные каналы* социальной структуры и их способность к передаче информации и *социальные нормы*, нарушение которых сопровождается санкциями. Социальный капитал — это то, что облегчает индивидуальные или коллективные действия, генерирует сети отношений, взаимности, доверия и социальные нормы [2, с. 138].

Социальный капитал как характеристику взаимоотношений индивидов, других акторов довольно сложно оценить и измерить, поскольку он, как будет показано ниже, имеет сложную структуру и вследствие этого разную результативность, к тому же он действует в неодинаковых социальных контекстах. И все же социальный капитал оказывает воздействие на экономическое развитие, что продемонстрировали межстрановые и региональные исследования.

Одно из таких исследований провел в Италии Р. Патнэм. Он определяет социальный капитал как «уходящие в глубь истории традиции социального взаимодействия, предполагающие нормы взаимности и доверия между людьми, широкое распространение различного рода добровольных ассоциаций и вовлечение граждан в политику ради решения стоящих перед сообществом проблем» [3, с. 124]. Р. Патнэм изучает социальный капитал и горизонтальные связи людей и организаций преимущественно в позитивном ключе — как стимулы и условия для утверждения демократии, считая, что они являются мерой общественного здоровья. Он связывает экономическое развитие с наличием разных объемов социального капитала.

Р. Патнэм разработал трехфакторную модель социального капитала: *нормы взаимности, доверие и социальные сети*, которая позволяет измерять социальный капитал с помощью индивидуальных индикаторов. Посредством их агрегации получаются групповые или территориальные показатели. Возникло такое понятие, как «группы Патнэма» — это те группы, которые работают на улучшение жизни других людей и всего общества. В отличие от этих групп существуют группы Олсона [4] — те, которые преследуют собственные цели и вступают с другими группами в конкурентную борьбу за обладание ограниченными ресурсами, используя свой социальный капитал для получения ренты, но не для общего развития. И это сдерживает экономический рост.

Френсис Фукуяма определяет социальный капитал как набор неформальных норм взаимодействия, которые способствуют сотрудничеству между двумя и более лицами [5]. Потенциально эти нормы существуют в отношениях со всеми людьми, но актуализируются они только в реальных человеческих отношениях. Фукуяма, полемизируя с Патнэмом, обратил внимание на то, что внешнее влияние социального капитала группы может быть и положительным и отрицательным. Он приводит пример Ку-Клукс-Клана или мафиозных структур. Такие группы тоже имеют определенные нормы и сети, которые позволяют им достигать своих коллективных целей, в этом смысле они тоже обладают социальным капиталом. Но их воздействие на большое общество — негативное. «У общественного капитала, этого материализованного доверия, играющего принципиальную роль в создании здоровой экономики, — культурные корни. Поскольку и по своему существу, и по своему бытованию культура есть нечто абсолютно нерациональное, утверждение, что она влияет на экономи-

ческую эффективность, может на первый взгляд показаться парадоксальным. Действительно, в качестве предмета научного исследования она постоянно обнаруживает свою неуловимость» [6, с. 65].

Этические принципы в формировании социального капитала приобретают особую значимость в современной России, когда произошла смена общественных ориентиров и были ослаблены идеологические скрепы общественной жизни. Добросовестность, честность, искренность, правдивость – это те этические правила, которые способствуют росту социального капитала. Напротив, ложь, притворство, обман разрушают социальный капитал.

Практически все исследователи социального капитала отмечают его тройственную структуру: нормы, доверие, сети. Все эти элементы связаны друг с другом: сети необходимы для передачи информации, налаживания контактов, они способствуют распространению норм взаимодействия; нормы и доверие укрепляют и содействуют расширению сетей и контактов и снижению транзакционных издержек при взаимодействии.

Можно выделить три уровня социального капитала. Первый уровень – частный социальный капитал, которым обладает индивидуум по факту своего рождения, принадлежности к семье, этническому сообществу, «малой родине», землячеству или являясь членом какой-то малой группы и т.д.; второй уровень – предприятия, организации, корпорации; третий уровень – общественные организации, профессиональные объединения, международные сообщества и другие негосударственные организации.

Социальный капитал можно рассматривать, по меньшей мере, в двух измеряемых масштабах. Первый – это капитал общностей, которые влияют на получение выгод

во вне себя, они дают импульсы совершенствованию тех или иных сторон жизни ближайшего или дальнего окружения. Можно считать, что он имеет «большие круги» влияния, способствующие формированию для всего общества системы гражданских институтов, норм, ценностей.

Второй масштаб – это социальный капитал небольших, как правило, закрытых общностей, к которым относятся семья, этническая община, клан, землячество, предприятие, корпорация и т.д. Этот капитал формируется внутри общности, но он используется для адаптации и преуспевания во внешнем мире. Круги влияния этого капитала небольшие, но он способствует выживанию группы, мобилизует ресурсы для коллективной защиты и развития. Важно изучать и учитывать в модернизации такую разновидность этого капитала, как капитал традиционных сообществ, особенно Юга России. Он ориентирован на воспроизводство накопленного исторического и бытового опыта, нравов, обрядов, технологий жизнеобеспечения и социальной активности. Традиционный капитал базируется на авторитете этнических норм, во многом обуславливает низкий уровень общего социально-культурного развития, бедность, незначительную урбанизированность, слабость современной индустрии. Для этого региона характерна множественность неформальных сетей, пронизывающих хозяйственную жизнь местных этнических сообществ, которая отчасти служит фактором стабилизации и выживания [7, с. 109-117]. Вместе с тем значимость неформальных сетей в социальном капитале этого региона создает значительные трудности для его модернизации.

Роль социального капитала в решении проблем модернизации общества нельзя переоценивать, как нельзя им и пренебрегать.

При решении задач модернизации можно сделать ставку на проведение институциональных реформ, повышать активность государственных органов. Но в современной России, в отсутствие или из-за слабости гражданского общества, государственные институты не могут эффективно выполнять свои функции, поскольку они не контролируются обществом и не корректируют свою деятельность в соответствии с общественными потребностями в силу отсутствия обратной связи. Контроль «сверху» привычен, но неэффективен, если нет контроля «снизу». Сильное государство – не обязательно эффективное государство.

Различия в объемах, структуре и качестве социального капитала необходимо учитывать при разработке стратегии модернизации каждого региона. Разный уровень готовности регионов к демократии и самоуправлению – это отправная точка в наращивании социального капитала в соответствии с традициями и опытом социального взаимодействия. В тех из них, где слабы или отсутствуют «группы Патнэма», работающие на общее благо, могут доминировать «группы Олсона», работающие на внутренние интересы групп. Эти последние группы часто носят криминальный или антиобщественный характер. Под их воздействием подвергаются коррозии государственные функции управления, т.к. на них оказывают влияние частные или узкогрупповые интересы.

Социальный капитал существует в двух формах: институциональной – как общественные объединения, организации, органы самоуправления и когнитивной – как правила поведения, нормы, ценности, доверие между людьми и институтами. Социальный капитал возрастает, когда он используется, и, напротив, сокращается, если он остается без употреб-

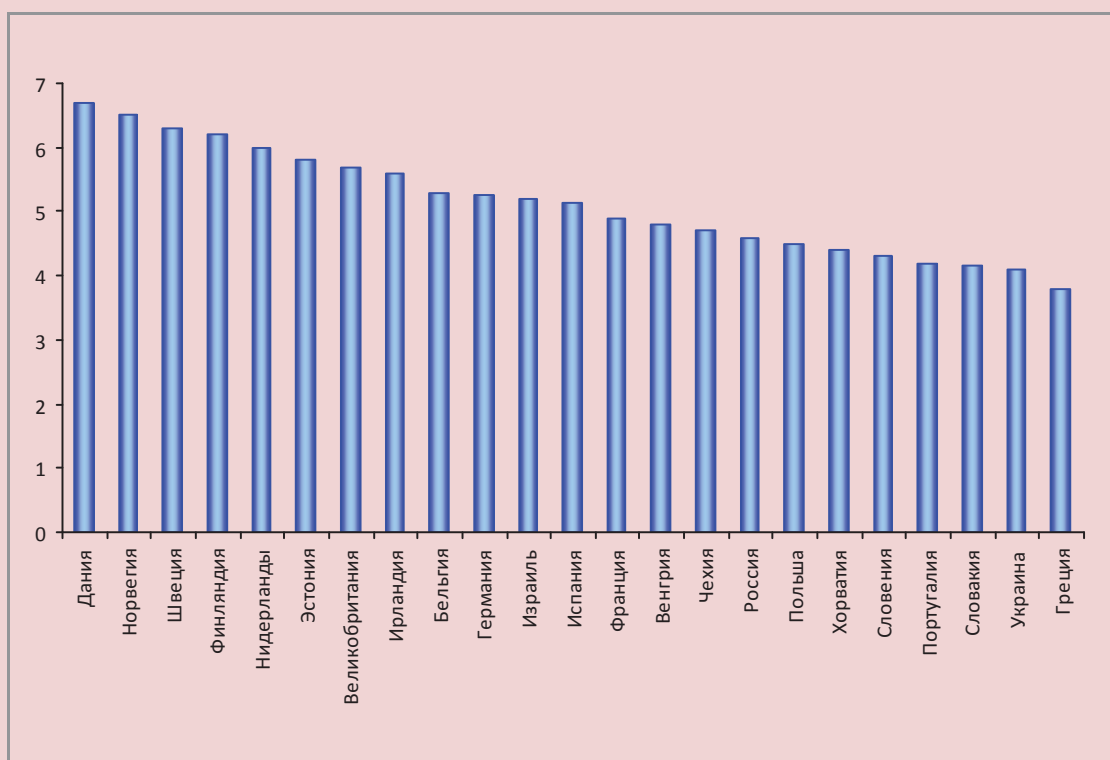
ления. Он может быть полностью утрачен при определенных обстоятельствах, например, связанных с утратой доверия к субъекту отношений. Но даже на тех территориях и в регионах, где слаб, не развит социальный капитал, можно его укреплять и выращивать, поддерживая общественные объединения, вступая с ними в продуктивный диалог, и, напротив, можно уничтожить его даже слабые ростки, создав невыносимые для него условия, прибегая к шантажу, перекрытию финансовых источников существования и к другим формам репрессий. Процесс модернизации как множественной модернизации, или, если использовать термин Зигмунта Баумана, «жидкой» или «текучей» модернизации, находится в зависимости от состояния социального капитала страны и регионов.

Проблемы измерения социального капитала

Для измерения социального капитала необходимо располагать количественными индикаторами последнего, но определить их довольно сложно, поскольку речь идет о нематериальных и далеко не всегда доступных прямому наблюдению характеристиках. Поэтому социологи прибегают, как правило, к вербальным свидетельствам наличия социального капитала. Существует, например, система показателей, которые были разработаны в исследовании Всемирного банка.

Некоторый материал для сравнительного анализа социального капитала в России может дать Европейское социальное исследование (ESS) [8], прежде всего по проблемам доверия в обществе. Доверие является ядром социального капитала. Три вопроса в анкете предлагают оценить по 10-балльной шкале доверие между людьми. Индекс образован мною как среднее арифметическое этих оценок

Индекс доверия (средний балл по 10-балльной шкале) ESS-2010

(рисунок). Как видим, Россия занимает 16-е место с индексом 4,47, опережая только 7 стран из 23-х. Впереди России большинство стран с более высоким уровнем модернизации. Максимальный уровень доверия в Дании – 6,45.

Интересные наблюдения, характеризующие круги близкого общения в семье, с друзьями, с коллегами, в России и других странах, участвующих в ESS, можно получить, обратившись к ответам на вопрос: *Как часто Вы проводите время с друзьями, родственниками или коллегами по работе просто так, не по делам?* Оказалось, что наиболее общительными являются жители высокоразвитых, модернизированных стран: один раз в неделю и чаще такие встречи происходят у 91% жителей Швейцарии, более чем у 70% жителей Бельгии, Дании, Нидерландов, Норвегии, Швеции. Часто общаются также португальцы (79%),

израильяне (77%) и испанцы (74%), что объясняется традиционно близкими отношениями в южных регионах.

Но жители других стран заметно реже участвуют в таких встречах. Россия по этому показателю на предпоследнем месте с 46%, что превышает уровень общения только в одной стране – Венгрии (32%). Разобщенность и атомизация общества в России достигла высокого уровня: даже в семье не находят понимания от 30 до 60% респондентов в разных регионах.

Можно с уверенностью сказать, что общества с развитым социальным капиталом, включающим высокий уровень доверия, сильную гражданскую идентичность, позитивные социальные связи и отношения, имеют более благоприятные возможности для модернизации, особенно современной – вторичной модернизации.

Литература

1. Bourdieu, P. The forms of capital / P. Bourdieu // Handbook of theory and research for sociology of Education. Ed. by J. Richardson. — New York: Greenwood Press, 1986. — P. 21.
2. Коулмен, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулмен // Общественные науки и современность. — 2001. — №3. — С. 124.
3. Патнэм, Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм. — 1996. — С. 224.
4. Olson, M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups / M. Olson. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.
5. Fukuyama, F. Social Capital and Civil Society. Prepared for delivery at the IMF Conference on Second generation reforms / F. Fukuyama. — URL.: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm>
6. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. / Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — С. 65
7. Лебедева, Н.Н. Социальный капитал и модернизация этноэкономики Юга России / Н.Н. Лебедева, О.А. Ломонцева // Общественные науки и современность. — 2006. — №2.
8. Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / под общ. ред. А.В. Андреевской и Л.А. Беляевой. — М., 2009.

References

1. Bourdieu P. The Forms of Capital. *Handbook of Theory and Research for Sociology of Education*. Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986. P. 21.
2. K Coleman J. Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy [Social and Human Capital]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2001, no. 3, p. 124.
3. Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. 1996. P. 224.
4. Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.
5. Fukuyama F. *Social Capital and Civil Society*. Prepared for delivery at the IMF Conference on Second generation reforms. Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm>
6. Fukuyama F. *Trust: The Social Virtues and The Creation of Prosperity* [Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию]. Translated from English. Moscow: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. P. 65.
7. Lebedeva N.N., Lomontseva O.A. Sotsial'nyy kapital i modernizatsiya etnoekonomiki Yuga Rossii [Social Capital and Modernization of Etnoeconomy in the North of Russia]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2006, no.2.
8. *Rossiya v Evrope: po materialam mezhdunarodnogo proekta "Evropeyskoe sotsial'noe issledovanie"* [Russia in Europe: on the Materials of the International Project "European Social Survey"]. Under general editorship of A.V. Andreenkova and L.A. Belyaeva. Moscow, 2009.